

не забывает это показать: «и ухватил его... и начах его о сенную стену бити» (236).

Если бесы всегда врываются в келью как разбойники, то благочестивый христианин, привезший материал для изготовления креста, решаетея только, по словам автора, «с великим опасением» подойти «к оконцу моему» (241). Та же ситуация повторяется автором применительно к темнице. Тайно сочувствующий узникам сотник сначала в видении, а затем и наяву «к темнице моей пришел к оконцу и принес мне крестов... и кладяше их на оконце мое темничное» (257). Такое общение отшельника с людьми через оконце кельи является обычным предметом житийных описаний. Например, к Никодиму Кожеозерскому пришел некий посланец и «по обычаю молитву сотвори у келии его. Преподобный же, мало отворив оконце, увиде человека».³⁷

Обстановка темницы близка обстановке кельи. Как и келья, «темница то и церковь, то и трапеза, то и заход» (254). Те же самые «оконце», «лавка», «печь», «образ», дверей только нет. Впрочем, описывать двери и не было надобности: бесы теперь не посещают Епифания, так как его воображаемые страдания в пустыне сменились реальными в тюрьме. В этих условиях автобиографические наблюдения автора раскрываются с особенной силой. Они перестают служить задаче материализации видений и все более обращаются к реальному изображению действительности. Автор еще более тщательно, чем раньше, останавливает внимание читателя на своих внешних состояниях и движениях. Вернувшись после казни в темницу, автор «падох на землю», потом «востав со земли и на лавку лег ниц, а руку мою сеченую повесил на землю... и много крови вышло и в темнице стало мокро, а стражи сена на кровь наслали» (248). Страстные мольбы о смерти, покаянные внутренние монологи и упреки богу автор последовательно перемежает однотипными описаниями своего внешнего состояния: «Аз же грешный, в темнице един валяся по земли на брюхе, и на спине, и на боках, и всяко превращаяся от великия болезни» (249); «И много тосковал валяся по земли, и всполс на лавку и лег на спине» (249); «занемог от поста и от труда поклоннаго... и возлег на земле на рагозине» (254). Эти картины сопровождаются попыткой осветить свое состояние через передачу не только своих собственных ощущений, но также эмоций очевидца-стражника: Симеон десятник перевязал раны автора «и изыде ис темницы плача, видя мя, тоскующа горко» (248—249).

* *
*

Повествовательный автобиографизм Епифания сочетается с начатками автобиографизма психологического, отражающего его наблюдения за собственными душевными состояниями и эмоциональную оценку внутренних и внешних обстоятельств своей жизни.

В серии этих наблюдений важное место отводится описанию сна как перехода в иной мир и в иной план сознания. Епифаний всегда указывает, в каком именно из свойственных ему двух планов сознания протекает то или иное действие или явление. Для того чтобы полностью признать или полностью отклонить какой-либо факт, ему необходимо учесть и «сон» и «явь» как равноправные для него формы бытия. Например, пользуясь традиционными формулами, он указывает, что бес «пакости творяше во сне и на яве» (230) или, наоборот, «не видали мы беса ни во сне, ни на

³⁷ Там же, стр. 231.